

Большое внимание Фр. Хорст уделяет анализу употребления термина *nhlh*. Он доказывает, что в Ветхом завете этот термин обозначает захваченные израильскими племенами земли Ханаана, которые были распределены среди племен, но находились фактически во владении рода (*mšrph* «*Sippe*»). Кроме того, в Ветхом завете, главным образом в Dt., вся земля ханаанская названа *nhlh* всего Израиля, причем всегда подчеркивается, что эта *nhlh* дарована богом Йахве. Фр. Хорст указывает, что в Ветхом завете упоминается также *nhlh* индивидуума — унаследованное владение, обусловленное принадлежностью индивидуума к роду и племени. Фр. Хорст, как и И. Ш. Шифман, считает предположение некоторых исследователей о регулярных переделах *nhlh* (И. Ш. Шифман говорит об *hzh*) недоказанным.

В VI в. до н. э. появляется новый термин — *hzh*. Трудно определить, чем вызвано появление этого термина: то ли изменениями в социальной структуре общества, то ли термин *nhlh* стал слишком

объемным и расплывчатым. Новый термин *hzh* также обозначает наследственное владение, но связанное чаще всего с городским поселением. Хотя *hzh* и *nhlh*, бесспорно, родственные понятия, *hzh* — это не только более новое, но и более обобщенное, абстрактное понятие для обозначения наследственного земельного владения.

В статье Фр. Хорста подняты вопросы большой важности, но что касается основной идеи автора о замене термина *nhlh* в VI в. до н. э. термином *hzh*, то в его статье не выяснены причины и механизм осуществления этой замены. Окончательное решение этого исключительно важного для истории послевоенной общины вопроса во многом зависит от данных самарийских папирусов.

Материал рецензируемого сборника доказывает необходимость углубленного изучения сложных проблем «темного», но очень важного периода в истории Иудеи и пуданизма.

И. П. Вейнберг

EMILIO SERENI. *La circolazione etnica e culturale nella steppa eurasiatica. Le tecniche e la nomenclatura del cavallo*, «*Studi Storici*», VIII, № 3, luglio — settembre 1967, стр. 455—533

Задавшись целью проследить историю коневодства в древней Евразии — тот процесс, который привел к формированию огромных кочевых орд вооруженных всадников, определявших историю этого континента на протяжении более чем двух тысяч лет, Э. Серени использует преимущественно лингвистические данные.

Древнейшие обозначения эквидов — не лошадей, но ослов или мулов — представлены в шумерском и аккадском языках. Если обычно считается, что древние ближневосточные термины, обозначающие эквидов, типа аккадского *sisū*, арамейско-еврейского *sūs*, хурритского *išši*, являются производными от древнейшего индоевропейского *asva* (иранского *aspa*, откуда позднейшее **ekwo*), то автор склоняется к мнению тех, кто подчеркивает, что эти древнесемитические наименования были уже письменно засвидетельствованы в XVIII в. до н. э.; т. е. до начала месопотамских и индоиранских контактов¹. И что не они, следовательно, заимствованы у индоиранцев, а процесс шел в прямо противоположном направлении. По-видимому более существенным и более убедительным доказательством нап-

древнейшего приручения и хозяйственного употребления эквидов в качестве тяглового или выючного животного именно в Передней Азии являются эламские изображения их, относящиеся еще к рубежу III—II тыс. до н. э., а также большой лингвистический материал, связанный с техническими средствами и способами передвижения.

В то время как в европейских странах и в Северной Азии вплоть до середины II тыс. до н. э. тягловыми животными повсеместно являлись быки, а повозки были тяжелы (колеса их делались сплошными) и медлительны, на древнем Востоке уже на рубеже III и II тыс. до н. э. (эпоха III династии Ура) существовала двухколесная церемониальная и боевая колесница, влекомая эквидами с достаточной скоростью (стр. 475). Под шумерским наименованием *gigir* и аккадским наименованием *parkabtu* эта легкая колесница отличалась от шумерского *margidda* (которому соответствует аккадское *egēqu*), обозначавшего тяжелую четырехколесную повозку.

Автор совершенно справедливо показывает, что только лишь высокая ремесленная техника, развивавшаяся в крупнейших центрах оседлых цивилизаций — в Месопотамии, Египте, Малой Азии и в древнем Китае, дала возможность создать те транспортные средства, которые

¹ A. Salonen, *Hippologia accadica*, «*Annales Academiae scientiarum fennicae*», B. 100, Helsinki, 1955, стр. 21 сл.

обеспечили военное превосходство конно-колесничного боя. Боевые колесницы оправдывали себя еще и в конце II тыс. до н. э., когда несомненно существовали конные воины не только у кочевых племен. Победоносный Рамзес II в битве при Кадеше (1312 г. до н. э.) представлен на древнеегипетском рельефе на боевой колеснице. Боевыми колесницами пользовались микенские ахейцы, древнейшие эллины и этруски. На боевой колеснице изображен на мозаике из Помпей и Дарий III в битве при Иссе (333 г. до н. э.), в то время как победитель его Александр Македонский представлен верхом на коне. Колесницы этого времени, снабженные по сторонам длинными железными косами, имели отнюдь не декоративное значение.

Несомненно справедливо и то, что породы рысистых и скаковых лошадей выводились опять-таки не у кочевников, а в местах оседлых (или полуседлых) скотоводческих культур — там, где имелаась возможность для тщательного и производившегося коннозаводским порядком — из поколения в поколение — скрещивания наиболее рослых и быстроходных особей, равно как и сохранения полученных таким образом рас. Известно, добавим мы, что объектом особенного интереса ханьского Китая были благородные породы лошадей, выводившиеся в Восточном Иране и в Средней Азии, тогда как Месопотамия и Малая Азия ценили лошадей из пород, выведенных в Нисее и в Луристане. Э. Серени убедительно показывает, что преобладание верхового конного войска стало возможно только с появлением седла, первые упоминания о котором (точнее об оседланных лошадях) встречаются в урартских и позднихеттских документах. Весьма показательно и важно для подтверждения его мысли, что в знаменитом хеттско-миттанийском трактате о коневодстве XIV столетия до н. э. (Киккули) о верховой езде не упоминается ни единым словом. Подтверждение непопулярности верховой езды в цивилизованных странах Ближнего Востока в первой половине II тыс. до н. э. Э. Серени видит и в тех советах, которые около 1700 г. до н. э. подает Зимри Лиму, царю Мари, его визирь: «Не следуй примеру ханаанского царя и не садись [верхом] на лошадь; следуй примеру царя аккадий и садись лучше на колесницу или на мула» (стр. 518). Как, однако, отмечает уже и сам Серени, цитированный текст показывает, с другой стороны, что и в столь отдаленные времена верховая езда пользовалась широкой популярностью, при всем связанном с нею риске (ввиду отсутствия седла и отсутствия строгой узды). Древние царя Финикии (а стало быть, и другие сирийские аристократы) несомненно увлекались верховой ездой.

Надо также думать, и этому не препят-

ствует точка зрения Э. Серени, что гиксосы, касситы, равно как хетты и миттанийцы, несмотря на то, что в их текстах, относящихся к коневодству, нет упоминаний о верховой езде, пользовались при своих вооруженных вторжениях в Египет, Месопотамию и Малую Азию конем именно как верховым животным (а не только как тягловым). После того только, как их вожди становились владыками и царями стран с оседлой и богатой цивилизацией, они воспринимали высокую культуру коневодства и технику колесничного транспорта. Древнейшие же кочевнические орды, проникавшие в цивилизованные страны и подчинявшие своей власти оседлые общества значительно более высоких, но менее воинственных культур, должны были пользоваться лошадьми и другими эквидами в качестве верховых животных самым примитивным способом — и без седла, и без уздечки с металлическими удилами и псалиями. Об этом заставляет думать прежде всего то, что домашняя лошадь (по остеологическим находкам) известна была в Южной Сибири уже с III тыс. до н. э., равно как и то, что наименование осла и лошади в древнем Эламе (*kutu*) связывается с племенным наименованием кутиев или утиев (позднейших удинов-будинов), локализуемых как клинописными текстами, так и позже греко-римскими географами преимущественно на Восточном Кавказе (стр. 491 сл.)².

Можно полагать, развивая идеи Э. Серени, что проникновение касситов из области племени кашшу³, жившего у подножия Загра, равно как и проникновение хеттов в Малую Азию (Э. Серени склонен выводить хеттов с запада — стр. 468, хотя протохеттские культурные аналогии указывают более всего на Кавказ) происходило не без использования коней в качестве верховых и тягловых животных, хотя техника конного транспорта, так же как и самое коневодство, могла успешно развиваться только лишь после того, как явившиеся на лошадях кочевники сумели воспользоваться техническими навыками обитателей захваченных ими областей оседлых культур. Еще и владетельные протохетты, известные по находкам в могильниках Алача Гейюк в Центральной Анатолии и в других аналогичных могильниках, представляли собой скорее всего верхушку кочевнического племени, пришедшего, о чем свидетельствуют бронзовые украшения, с Кавказа. Еще и близкая этим протохеттам

² В параллель этому у греков древнейшие легендарные кони — создания Посейдона — именовались Скифий и Арнон. Из Алкмана (VII в. до н. э.) известен конь Колаксай.

³ В. Ф. Минорский, Луристанские бронзы и касситы, ВДИ, 1959, № 1, стр. 220 сл.

майкопская культура, в ее верхушечной части, обнаруживает признаки кочевого быта (судя по находкам в Большом Майкопском кургане, относящемся к рубежу III—II тыс. до н. э.).

Таким образом, констатируя вместе с Серени тот весьма важный факт, что техника коневодства и конного транспорта (хозяйственного и военного) возникла и развивалась в центрах оседлых цивилизаций древности, нельзя не принять во внимание и того, что само коневодство было скорее всего привнесено в области названных культур через посредство евразийских степных кочевников, одомашнивших лошадь в III тыс. до н. э. и использовавших ее для вторжений в страны оседлых цивилизаций. Добавим, что воспоминания о кочевническом прошлом сохраняли, вероятно, многие варварские династии, утвердившиеся в странах Ближнего Востока посредством завоеваний, как хитосы, касситы и хетты. Не так давно А. Альфельди в интересном исследовании показал, что так называемый «ахеменидский трон», известный по позднейшим нумизматическим изображениям, представляет собой не что иное, как кочевническую кибитку⁴, подтверждая этим лишний раз кочевническое, ирано-скифское происхождение парсов и, в частности, персидских Ахеменидов.

Э. Серени показывает, что в недрах кочевого киммерийско-скифского общества сложился тот конно-военный быт, который определил собою соответствующие навыки и военную технику гото-сарматских, гуннских, аварских и тюрко-монгольских дружин, владевших степными пространствами и подвергавших захвату и разграблению культурные страны, расположенные у границ евразийских степей. Он привлекает весьма любопытные климатологические данные (стр. 459 сл.), свидетельствующие о том, как в древние времена и вплоть до средневековья сама природа Центральной Евразии сухостью своего климата способствовала оседлому скотоводству. Он однако, упускает из виду тот не менее любопытный факт, что ареал перекочевок и военных походов конных дружин уже в начале I тыс. до н. э. был совершенно таким же, как и на тысячу с лишним лет позже. Если движение полчищ Аттилы едва достигло северных пределов Италии, то уже и в ранние времена некоторые элементы культуры Виллаюва-Эсте, в древнейших ее проявлениях, обнаруживают контакты с кочевниками. На некрополе Эсте найдены конские захоронения, столь характерные для кочевнического погребального ритуала. Керамика, оружие и предметы конского убора, найденные в могильнике в Вадене,

свидетельствуют о том, что здесь, вероятно, был самый западный пункт проникновения культуры киммерийско-скифского образца с еще приметными прикаспийскими связями⁵.

Лингвистические данные идут рука об руку с данными археологии, и В. И. Абаев в своей последней работе о скифо-европейских изоглоссах констатирует именно в Северной Италии наиболее далекие признаки проникновения иранских языковых элементов⁶. Не менее любопытен и тот факт, что распространение индоевропейских языковых признаков группы *satem* достаточно точно совпадает с ареалом находок костей азиатской степной конской породы — тарпана. В 50-е гг. целый некрополь с подобными конскими захоронениями был обнаружен в Венгрии в Сентеш-Векерзуге⁷.

Касаясь nomadov, более поздних, — гуннов, алан и тюрко-монгольских племен, Э. Серени констатирует в отношении первых, вслед за Ф. Альтгеймом, невозможность (по соображениям хронологии) идентификации гуннов греческих и латинских авторов с *Hünn-nu* китайских источников. Он полагает, что имя гуннов корреспондирует более вероятно с хотанским *Hun*, *Xwn* согдийских и с *Qun* арабско-хорезмских данных. Именно племена, носившие эти несомненно зависящие одно от другого имена, были отмечены начиная с IV в. н. э. у северных границ Китая, в Восточном Туркестане, к югу от Тарима и, наконец, в Средней Азии у границ Согдианы (стр. 462, прим. 8). Это имя (*Qun* = *Hun*) связывается, по его мнению, с древнетюркским *qu-n* «быть сильным», откуда *qun* «сила», засвидетельствованное в *Codex Sumanicus*. По мнению Э. Серени, опять-таки опирающегося на соображения Ф. Альтгейма⁸, именно это понятие «силы», содержащееся в имени гуннов, и сделало его общим именем всего разнородного союза объединенных гуннами племен. В составе этого союза Э. Серени, наряду с индоевропейскими племенами, отмечает значительную примесь тюркских, монгольских и тунгузо-манчжурских этнических элементов (стр. 463), вследствие чего имя гуннов в историческом смысле, как и имя тюрков, лишено этнического значения.

⁵ L. Laurenzi, La civiltà villa oviana e la civiltà del ferro, «Documenti e Studi», VI, Bologna, 1960, стр. 24 сл.

⁶ В. И. Абаев, Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада, М., 1965.

⁷ S. Bököniy, Les chevaux scythiques du cimetière de Szentes-Vekerzug, «Acta Archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», III, 1952, стр. 173 сл.

⁸ F. Altheim, Geschichte der Hunnen, I, стр. 7 сл. и 29 сл.

⁴ A. Alföldi, Die Geschichte des Thronabernakels, «La Nouvelle Clío», 1950, № 10, стр. 537 сл.

Э. Серени останавливается также и на аланских перемещениях. Отмечая этническую принадлежность алан к древнеиранскому миру (стр. 462), он в то же время подчеркивает, что под этим именем скрывались разнообразные сарматские элементы. Начавшиеся еще в III в. до н. э. продвижения алан из Приаралья и Прикаспия в направлении Кавказа, Малой Азии и причерноморских степей, куда их подталкивал отчасти все усиливавшийся напор гуннских племен с востока, завершились тем, что позднее, в IV—VI вв., аланы вместе с остготами и германскими племенами (свевами и вандалами) участвовали в завоевании Римской империи, тогда как еще позднее (IX в.) их восточная ветвь принимала участие в создании хазарского каганата (стр. 462, прим. 7). Э. Серени отмечает, что аланы использовали в основном те же пути с востока на запад, что и другие предшествующие им во времени кочевники. Однако если эти пути рассматривать более дифференцированно, то в них придется различать юго-западное и северо-западное

направления (стр. 466). Впрочем, и эти варианты миграционных направлений аланских племен были уже не только проложены предшествующими кочевыми индоевропейскими конными ордами, но и продолжали, видимо, использоваться в промежутках между походами в культурно-торговых целях.

Рассмотренная работа Э. Серени содержит широкий обзор коневодческих культур древности, проследивает исторические результаты усилий, предпринятых их носителями в области коневодческой и транспортной техники, с проявлениями тех или иных конкурирующих тенденций, а также весьма ценные лингвистические сопоставления древних терминологических вех, расставленных историей на пути возникновения и эволюции наименований эквидов и связанных с их использованием технических обозначений. Она демонстрирует процессы возникновения и распространения соответствующих терминов, во многих случаях сохранившихся в употреблении у евразийских народов вплоть до настоящего времени.

Л. А. Ельницкий

E. T. SALMON, Samnium and the Samnites, Cambr., 1967, 447 стр.

Интерес к историческим судьбам племенного мира древней Италии, — явление, в общем, не новое. С тех пор как на ее археологической карте стали затмеваться белые пятна и в то же время далеко продвинулось исследование памятников письменности италийских племен и народностей, внимание к истории лигуров, сикулов, умбров, венетов, латинов стало столь же оправданным и закономерным, как и имеющее многовековую историю изучение судеб их противника и победителя — Рима. Романоцентризм, вызванный к жизни определенными политическими причинами, стал сдавать свои позиции даже в науке Запада.

Труд канадского ученого Э. Т. Салмона, посвященный Самнию и самнитам, в том плане, в котором он задуман и осуществлен, не имеет в западной литературе серьезных предшественников. Автор поставил себе цель изложить не только историю войн самнитов с Римом (этим вопросом занимались много), но осветить весь круг проблем, связанных с экономической, политической, религиозной и культурной историей древнего населения Самнии. Исследование основывается на всех доступных источниках — литературных, эпиграфических, лингвистических, археологических и охватывает значительную историческую эпоху — от вступле-

ния самнитов на историческую арену (V в. до н. э.) до 82 г. до н. э.

После краткой характеристики источников и достаточно обстоятельного рассмотрения природных условий Самнии автор переходит к сложным и запутанным проблемам народонаселения Средней и Южной Италии. Вряд ли при современном состоянии наших знаний возможно какое-либо принципиально новое решение этих проблем. Поэтому вполне оправдано стремление автора просто изложить существующие взгляды по этому вопросу. Они сводятся вкратце к тому, что древнейшими обитателями Самнии были опски (оски), населявшие и Кампанию. В V в. до н. э. земли опсков были завоеваны племенами самнитов (гирпиннами, каудинами, караценами, пентрами). Оски, как и самниты, в языковом отношении принадлежали к оскско-умбурской группе языков, но языки осков и самнитов не идентичны (стр. 39).

Не менее сложен вопрос о связях между самнитами, противниками Рима в войнах IV—III вв. до н. э., и сабинами, непосредственными соседями Рима. Не отрицая языкового и культурного родства между самнитами и сабинами, автор оставляет последних за рамками своего исследования. Сабеллы в толковании Салмона — более широкое этническо-линг-